Интервью заместителя руководителя Главного управления криминалистики А.И. Сазонова агентству "РИА Новости"

Генерал СК Анатолий Сазонов: многие маньяки начали использовать интернет

Расследование преступлений прошлых лет – одна из приоритетных задач, поставленных перед сотрудниками Следственного комитета России, но помимо этого они также находят убийц, насильников и иных преступников "по горячим следам", используя для этого в том числе самые современные технологии. О том, как в России ловят маньяков, поумнели ли за последние годы преступники, и может ли злоумышленник полностью скрыть следы с места преступления, в интервью РИА Новости рассказал заместитель руководителя ГУ криминалистики СКР, генерал-майор юстиции Анатолий Сазонов. Беседовал Кирилл Рубцов.

— Анатолий Иванович, какое самое трудное и какое самое интересное дело, с которым вы сталкивались?

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— Я больше 40 лет работаю на следствии, и за это время я понял, что не бывает легких дел в нашей профессии. Любое уголовное дело – трагедия. С одной стороны – для потерпевших, с другой – для преступника, его родственников. Задача следователя – обеспечить максимально полное, всестороннее и объективное расследование дела, поэтому в определенной степени следствие по каждому делу представляет трудность.

Да, бывают резонансные преступления, вызывающие повышенный общественный интерес, но, я считаю, тщательно, всесторонне и объективно должно расследоваться каждое уголовное дело.

Если говорить о конкретных примерах, могу вспомнить уголовное дело о серии убийств пожилых женщин в разных регионах России в 2011-2012 годах. На протяжении 10 лет следователи, криминалисты, оперативные работники органов внутренних дел трудились, выдвигали и проверяли разные версии, "перелопатили" множество документов. В том числе в расследовании нам помогло определение генотипа преступника: по нескольким эпизодам преступник оставил свои биологические следы. В конце прошлого года наши сотрудники выявили закономерность в генетическом материале в данном деле, и после дополнительных экспертных исследований злоумышленник был установлен. В декабре 2020 года человек, совершивший более 25 убийств, был задержан и привлечен к уголовной ответственности. Следствие по делу продолжается.

— Вы говорите сейчас о так называемом "поволжском маньяке" Радике Тагирове?

— Именно. Таких дел в работе следователя, когда мы говорим о сложности и трудности, – их много. Тот же самый "сибирский маньяк" Михаил Попков: 83 эпизода доказано. Это титанический труд со стороны следственных групп, оперативных сотрудников, экспертных подразделений. И они продолжают работать. Серийные преступники, как правило, не останавливаются: либо их задержали, либо они умерли. Но это как болезнь – мания.

— Какова статистика раскрытия преступлений прошлых лет, таких как убийства или изнасилования?

— Когда Следственный комитет был только образован, в сентябре 2007 года, нам из органов прокуратуры передали более 208 тысяч уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет. Среди них – 94,5 тысячи убийств.

За период существования ведомства мы раскрыли более 90 тысяч таких преступлений, из них – более девяти тысяч убийств. Значительна в этом количестве и доля серийных преступлений. Например, в 2020 году раскрыто 276 серий, состоящих из 2 118 преступлений, в том числе 21 серия убийств, общее число эпизодов – 88, а также 182 серии половых преступлений с общим числом эпизодов – 1 497.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

Только в первом полугодии 2021 года следователями, криминалистами, оперативными сотрудниками органов дознания раскрыто 136 серий, состоящих из 1080 эпизодов преступлений. Из них девять серий убийств. В настоящий момент на учете в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) за все годы статистического наблюдения состоят 142 серии, включающие в себя 552 эпизода преступной деятельности. Среди них 52 серии убийств, состоящих из 212 преступлений, 83 серии о половых преступлениях, состоящих из 289 преступлений.

— Какие виды маньяков, если так можно выразиться, бывают?

— Маньяки как были, так и есть: я думаю, невозможно полностью искоренить таких индивидов. Есть сексуальные маньяки, есть пироманы, клептоманы – тоже маньяки в каком-то роде. Есть серийные убийцы. Среди них существует определенная градация – убийцы-миссионеры, как тот же Попков. Это человек, считающий себя санитаром природы. Есть так называемые мстители – они столкнулись в свое время с какой-то негативной ситуацией и потом начинают мстить определенной категории людей.

Каждая серия преступлений – как правило, один человек, который совершает преступления, а внутри может быть разное количество эпизодов преступной деятельности.

— Есть ли серийные преступники, которые уже установлены, но еще не задержаны?

— Да, например серия, которая на слуху – оренбургский маньяк Валерий Андреев…

— Это тот, который якобы недавно появлялся в Москве?

— Это информация, которая в итоге не нашла подтверждения. Преступник известен, его генотип выявлен на вещественных доказательствах, человек объявлен в федеральный и международный розыск. Но пока его ищут.

— А есть ли какая-то новая информация о подобных преступниках?

— Если бы она была, то мы бы сразу приняли все необходимые меры для установления и задержания этих людей. Работа не прекращается.

— Сколько уже преступлений прошлых лет раскрыто? Как продвигается эта работа?

— Массив нераскрытых преступлений прошлых лет по-прежнему большой. Раскрыть их все, на мой взгляд, невозможно. Сделать это мешают различные обстоятельства, в том числе и объективные: отсутствие вещественных доказательств, смерть свидетелей или очевидцев преступлений и так далее. В то же время хочу сказать, что работа по раскрытию преступлений

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

прошлых лет не прекращается. В ней задействованы созданные повсеместно специализированные межведомственные аналитические группы, подразделения следственных органов по расследованию таких преступлений, органы дознания. Ежегодно благодаря совместным усилиям следователей, криминалистов, оперативных сотрудников, прежде всего органов внутренних дел, нам удается раскрывать несколько тысяч преступлений прошлых лет. Среди них значительна доля убийств и других тяжких и особо тяжких преступлений. Например, по данным следственных органов, за восемь месяцев 2021 года раскрыты почти пять тысяч преступлений прошлых лет, в том числе более 560 убийств.

— Как с технической точки зрения удается раскрывать убийства и изнасилования, совершенные давно?

— Зачастую преступник оставляет следы биологического происхождения на месте происшествия, по ним определяется генотип преступника. Часто он уже есть в базе ранее судимых лиц, и эта цепочка позволяет быстро и оперативно выйти на предполагаемого преступника.

К тому же, те же самые мобильные телефоны: многие знают, что мы используем возможности телефонных соединений. Не раскрываю методику, но хочу рассказать интересный случай в Приморском крае. Было совершено убийство молодой девушки, а рядом мы нашли разбитый мобильник. Через несколько месяцев мы вышли на преступника – им оказался несовершеннолетний молодой человек, проживавший по соседству, знакомый девушки. Мы спрашиваем: "А чего ты телефон-то разбил?". А он говорит: "Я же знаю, что вы по телефону отслеживаете преступников… Вот я и решил его разбить". На месте преступления.

— Я правильно понимаю, что если человек ранее не привлекался к ответственности, и его генотипа в базах нет, то вычислить его по следам на месте происшествия нельзя?

— Пока его генотипа нет в федеральной базе геномной информации – нельзя. Но на каждом месте преступления, как бы ни пытался преступник скрыть свои следы с помощью ли перчаток, с помощью других ухищрений, – все равно следы остаются. И мы обязательно занимаемся моделированием преступлений: эта модель позволяет нам находить на месте следы, которые в дальнейшем позволяют раскрывать преступления.

Еще один пример: Московская область, нападение на девушку и изнасилование. Преступник открытыми участками тела, руками, касался открытых участков тела жертвы. Казалось бы, крови нет, следов биологического происхождения, то есть семенной жидкости, нет. Но на местах соприкосновения открытых участков тел преступника и жертвы криминалисты сделали смывы, затем их подвергли исследованию. На них в итоге выявили эпителиальные клетки. По ним определили генетический профиль, и злодея в итоге нашли.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— Используете ли вы для поиска злоумышленников коммерческие генеалогические базы данных – медицинские, научные?

— С учетом действующего федерального закона "О геномной информации" мы не можем пользоваться никакими другими источниками коммерческого или частного характера. Для проверки генетических профилей используется только Федеральная база данных геномной информации. В ней содержатся поставленные на учет генетические профили неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, неустановленных трупов и лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Исключение при этом составляют общедоступные исследовательские базы данных, которые используются для определений этнографической принадлежности неизвестных лиц. Они не содержат сведения о персональных данных лиц, предоставивших биологический материал для исследований.

Следующий момент: если появляется интересный материал, например, следы биологического происхождения, в лечебном учреждении или где-то в поликлинике, в тех же самых коммерческих базах данных. И если мы знаем, что был произведен забор крови, там сохранились его следы. Например, он находился там-то на лечении. Следователи выезжают, производят выемку объектов, а потом по ним проводят экспертное исследование. Но хочу подчеркнуть, что для их использования нужен определенный повод, а также набор следственных действий, выемка и так далее.

— За последнее время участились сообщения из регионов о раскрытии давних преступлений с помощью ДНК-технологий. С чем связан такой прогресс?

— Первое: это появление новых возможностей различных видов судебных экспертиз, в том числе молекулярно-генетических. Второе: жесткое требование со стороны центрального аппарата СК, в том числе Главного управления криминалистики о тщательной инвентаризации вещественных доказательств, которые сохранились по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, их дополнительные исследования с учетом современных возможностей различных видов судебных экспертиз, прежде всего молекулярно-генетической.

Бывали случаи, когда преступника находили по генотипу, хотя преступление было совершено еще до того, как вступил в силу соответствующий закон о геномной регистрации. Например, сургутское дело, убийство женщины в 2001 году, сопряженное с изнасилованием. На месте был найден биологический материал, выявлен генотип предполагаемого преступника. Но на него своевременно выйти не удалось, и поэтому преступление долгое время оставалось нераскрытым. А потом, как оказалось, злоумышленник в 2005 году за разбой и убийство был осужден на длительный срок. Во время отбывания наказания у него взяли образцы для генетических исследований, и в результате в 2020 году удалось установить совпадение двух генотипов – того мужчины, что находится в местах лишения свободы, с генотипом преступника с места происшествия того сургутского дела. И таких дел много. Говоря о

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

статистике, за восемь месяцев текущего года удалось раскрыть 376 преступлений прошлых лет после производства экспертиз ДНК.

— Считаете ли вы возможным создание единой генетической базы россиян?

— Для того, чтобы ее создать, нужен механизм получения геномной информации и объектов. Значительные средства нужно будет потратить на хранение. Сегодня эта задача маловыполнима.

— Насколько это может быть полезно для расследования преступлений?

— Для нас это было бы великолепно, потому что, если изначально, с момента рождения, возьмем самый идеальный вариант, брать у человека, допустим, кровь, выявлять генотип, зашифровывать его в электронную базу – все. Совершено преступление – находим на месте преступления следы, и преступник пойман, преступление раскрыто. Генотип практически всю жизнь, как и отпечатки пальцев, не меняется.

— На ваш взгляд, изменился ли типичный преступник за последние 10-15 лет? Изменились ли маньяки? Как их распознать?

— Что касается преступников, то изменения прежде всего связаны с совершенствованием способов совершения преступлений. Могли ли мы предположить, что у нас будут орудовать кибермошенники? Развитие технологий вынуждает преступников выдумывать новые способы совершения преступлений, а эти новые способы присущи людям грамотным.

В настоящее время, помимо общеуголовных преступников, то есть тех, кто совершает их на бытовом уровне, у нас возрастает интеллектуальная преступность. У нас растет количество преступлений, совершенных с помощью IT. Но это не бестолковые преступники, с начальным уровнем образования, часто это великолепные программисты, технари. В этом плане преступники изменились: стали более образованными.

Что касается маньяков, ничего особенно не изменилось, за исключением использования информационных технологий. У нас много появилось маньяков, использующих социальные сети, которые совершают половые преступления, развращают молодое поколение через переписки, игры... Либо так называемые "группы смерти". Это же тоже с использованием интернета преступление: многие маньяки начали использовать интернет. В этом плане серийные преступления приобретают новые очертания, это связано с развитием научно-технического прогресса и информационных технологий. А обычные, общеуголовные серийные маньяки особенно не изменились.

— Что еще изменилось в преступниках? Может, привычки новые появились?

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— Мы в последнее время заметили, что преступники стали с большей тщательностью скрывать следы своих преступлений. Речь не только о сексуальных маньяках или убийцах. Раньше этого было меньше. Сейчас мы сталкиваемся с тем, что после преступления следы его не оставляют на месте, а принимают попытки к сокрытию, причем очень тщательно. Иногда мы даже не сразу сможем обнаружить объекты, которые скрывал преступник.

— Сжигают, в кислоте растворяют останки?..

— И сжигают, и в топке, и в печке оставляют, и закапывают на глубину до 1,5 метра. Иногда тело жертвы убирают под бетонные плиты, чтобы его было сложнее найти с помощью современных приборов. Тем не менее, и в таких ситуациях нам удается обнаруживать вещественные доказательства и изобличать преступников.

20 Октября 2021

Адрес страницы: https://sledcom.ru/press/interview/item/1621757

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации